

Забывтый юбилей

260 лет со дня освящения первого православного храма Кенигсберга

[Протоиерей Георгий Бирюков](#)

16.09.2020 112

15 сентября 1760 года (4 сентября по ст.ст.) - в этот день прошло торжественное освящение в Кенигсберге первого православного храма во имя Воскресения Христова. Известно, что православная община была официально зарегистрирована в Кенигсберге ещё в 1656 году. В последующие годы власти города неоднократно подтверждали её права, определяли ей места для богослужений. Однако собственного здания храма у православных не было. Василию Квасовскому удалось построить только часовню. Первый православный храм в Кенигсберге был освящён во время Семилетней войны, когда Восточная Пруссия фактически стала на несколько лет российской губернией, а в Кенигсберге находился российский губернатор. Русская армия взяла Кенигсберг 22 января 1758 года. Её командующий генерал-аншеф Виллим Фермор сообщил императрице Елизавете Петровне: «Я за поздним временем не успел, всех благ подателю, должны благодарительные молитвы по вступлении моем сегодня принести, но отложить принужден до завтра, чего ради приказано удобную палату в

шлосе очистить и церковь Божию в оной поставить, а генералитету, штаб и обер-офицерам для того завтра поутру у гаупт-квартиры собраться повестка учинена». Русская армия того времени была православной. В каждом полку по штату существовала полковая церковь и священник при ней. Он мог совершать для военнослужащих все необходимые богослужения. Такая полковая церковь и была поставлена в «удобной палате» в «шлосе» (орденском замке) Кенигсберга для совершения благодарственного молебна. После занятия Восточной Пруссии русская армия двинулась дальше, но в Кенигсберге был оставлен гарнизон

С марта 1758 года в Кенигсберге стояли Азовский и Архангелогородский пехотные полки. Походные полковые церкви попеременно развёртывались в орденском замке и считались гарнизонной церковью. Довольно быстро Кенигсберг стал тыловым городом. При этом потребность в проведении в Кенигсберге постоянных богослужений постоянно увеличилась. В городе появилось довольно много русских чиновников и членов их семей. Число русских купцов из-за войны также увеличилось: они снабжали действующую армию всем необходимым, а коммуникации проходили через Восточную Пруссию. Между тем русская армия под командованием генерал-аншефа Фермора вела боевые действия против прусаков.

6 июня генерал-аншеф Фермор утвердил Расписание армии на летнюю кампанию 1758 года. По этому расписанию Азовский и Архангелогородский полки оставались в гарнизоне Кенигсберга временно. В Пиллау и Мемеле находилось по батальону Пермского полка. По прибытии из Риги пяти запасных батальонов все эти полки должны были следовать в Мариенвердер и присоединиться к действующей армии. В середине лета 1758 года покинул Кенигсберг Азовский полк вместе со своей походной церковью. Осенью Кенигсберг покинул и Архангелогородский полк. Роль гарнизона стали выполнять резервные батальоны Невского, Черниговского и Воронежского полков. Походные церкви этих полков находились с их боевыми частями. В резервных батальонах не было по штату и священнослужителей. В связи с

таким изменением обстановки российский губернатор провинции Корф в августе 1758 года обратился к императрице с просьбой «отправить в Кенигсберг, Пиллау и Мемель по одной церкви с надлежащей церковной утварью». Речь шла о создании в этих трёх городах постоянных православных храмов.

Пока решался вопрос, богослужения в Кенигсберге продолжали проводиться священниками различных полков, оказывавшихся там время от времени. Так, расписанием русской армии при расположении её на зимние квартиры от 7 ноября 1758 года Кенигсберг был назначен для размещения 4-го гренадерского и Муромского полков. Муромский полк первоначально был оставлен в Кенигсберге и в начале летней кампании 1759 года, но в конце июля он уже входил в состав 1-й дивизии действующей армии. Таким образом, возможность проведения богослужений в Кенигсберге прямо зависела от наличия или отсутствия в городе какого-нибудь полка со своим полковым священником. Это происходило при определении какого-либо полка в Кенигсберг на зимние квартиры. Так, 22 ноября 1759 года Синод постановил передать одну полковую церковь от формируемого корпуса в распоряжение генерал-поручика Корфа для находящегося в Кенигсберге на зимних квартирах Куринского пехотного полка.

Для создания в Кенигсберге постоянного храма нужно было решить три задачи: построить новое здание церкви или переоборудовать под неё какое-либо уже существующее здание, подходящее для этой цели; снабдить это здание всем необходимым для совершения богослужений (иконостас, престол, жертвенник, богослужебные облачения духовенства, книги и т.п.); укомплектовать церковь клиром и причтом (священники, дьякона, псаломщики, хор). Посмотрим, как были решены эти задачи в Кенигсберге.

Вопрос со зданием храма решался следующим образом. Кроме зала орденового замка для проведения православных богослужений в Кенигсберге с 1758 года стала использоваться так называемая французская кирха, община которой к тому времени практически вымерла. Но эта кирха оказалась слишком мала для наличного в Кенигсберге числа православных, поэтому

нужно было искать более вместительное помещение. Императрица Елизавета Петровна просьбу кенигсбергского губернатора Корфа рассмотрела и в апреле 1759 года велела Святейшему Синоду «...в Кенигсберге, Пиллау и Мемеле подготовить удобные дома, или тамошние публичные кирхи».

Это повеление было адресовано Святейшему Синоду, что вызвало определенную пассивность кенигсбергского губернатора в решении вопроса со зданием церкви. Нельзя утверждать, что им ничего не было сделано. Когда в Кенигсберг прибыл архимандрит Ефрем, губернатор Корф предложил ему на выбор шесть зданий и помещений в Кенигсберге. Таким образом, мы видим, что различные варианты размещения церкви губернатором прорабатывались, но, исходя из повеления императрицы, Корф оставил окончательное решение вопроса тому священнику, которого Святейший Синод назначит для возглавления церкви в Кенигсберге. Назначенный же в Кенигсберг Святейшим Синодом архимандрит Ефрем прибыл в Пруссию только... в июне 1760 года.

Почему произошла такая задержка? Причины были и объективные, и субъективные. Чтобы их понять, рассмотрим вопрос обеспечения кенигсбергского храма всем необходимым. Так, 14 апреля 1759 года конференцией Двора Ея Императорского Величества объявлено было об отправке в новозавоеванные города в Пруссии Кенигсберг, Пиллау и Мемель трех походных церквей: Воскресения Христова в первый, Сошествия Святого Духа - во второй и Преображения Господня - в третий, со всею утварью, ризницею и книгами. Обеспечение этих трёх походных церквей всем необходимым а также подбором притча Святейший Синод поручил Московской синодальной конторе. Видимо, эта работа пошла не так быстро, как хотелось, так как в сентябре 1759 года Святейший Синод направил Московской конторе и московскому митрополиту указы – поспешить с исполнением. В свою очередь Московская синодальная контора доносила о проделанной работе: необходимые церковные книги ею уже были отправлены в Санкт-Петербург, а вот церковный причт весь пока не собран, рисунки на иконы для иконостасов сочиняются, о торге на живописную

работу в газетах от Московского университета объявлено, и торг в конторе начался, церковные сосуды заказаны, материя для риз отобрана и о цене чинится договор. К донесению было приложено расписание икон для иконостасов. 8 октября 1759 года Святейший Синод одобрил порядок распределения икон в иконостасах для прусских церквей.

В ноябре 1759 года губернатор Корф просил Святейший Синод ускорить высылку в прусские города церквей и причта. Высылать было пока ещё нечего. Московская синодальная контора доносила Синоду о том, что «росписание иконостасов для вышеуказанных трех церквей сдано ею с торгов за 1500 руб. живописцу Горшинову, Придворной камер-почмейстерской конторы рисовальному мастеру Поспелову и служителю дома покойного генерала-аншефа Салтыкова – Евстратову. Иконостасы будут выполнены по рисунку архитектора князя Ухтомского, из собственного материала подрядчиков, кроме шелковой материи и подкладки, добрым и искусным мастерством, хорошими венецианскими красками, и законченными должны быть предоставлены в 4-х месячный срок, то есть к 1 марта 1760 года, под штрафом за промедление одной трети подрядной цены».

Святейший Синод попытался ускорить эту работу. В качестве караула в домах живописцев была поставлена команда из обер- и унтер-офицеров, взятая от московского коменданта грузинского царевича, с повелением следить за «наисправнейшим написанием икон и прочих украшений», а также за тем, чтобы иконописцы не отвлекались посторонней работой. Для постоянного надзора над живописцами в течение четырех месяцев был нанят за сто рублей опытный иконописец Василий Васильевский.

15 декабря 1759 года Московская синодальная контора доносила Синоду, что «серебряные сосуды готовы и позолочаются, лампы Куниным делаются. Иконы писать начали в трапезе ставропигального Петровского монастыря, и за успехом этих работ следят по прежнему офицеры с командою».

29 декабря 1759 года утварь и ризница, приготовленные для церквей в Кенигсберге, Мемеле и Пиллау, в сундуках с ключами и специальными реестрами были доставлены обер-прокурором и экзекутором святейшего Синода во дворец в комнаты Ея Императорского Величества и сданы действительному камергеру Чулкову.

14 марта 1760 года иконостасы в девяти больших ящиках под конвоем девяти солдат на 24-х ямских подводах были доставлены из Москвы в Санкт-Петербург в Святейший Синод и сданы по постановлению Синода архивариусу Звереву. Можно считать, что всё необходимое для оборудования трёх церквей (иконостасы, церковная утварь и ризница) было изготовлено и в середине марта собрано в Санкт-Петербурге. Осталось только доставить это в Пруссию.

Параллельно с изготовлением для прусских церквей иконостасов и укомплектованием их ризницами и книгами решался вопрос со священниками и причтом. Изначально в Кенигсберг были назначены архимандрит Ефрем с жалованием в 1200 рублей, иеромонах Гавриил Сничинский и священник Василий Семенов с жалованием по 400 рублей. Такое же жалование было положено для иеродиакона (был задержан первоначально назначенный в Мемель Петр Федоров). Были также назначены дьячки: Симеон Иванов, Яков Андреев и Николай Иванов с жалованием по 150 рублей, а также 8 певчих. Также были назначены священники и церковнослужители для храмов в Мемеле и Пиллау.

Однако, как сказано выше, в апреле 1759 года церкви в Кенигсберге, Пиллау и Мемеле ещё не были готовы. Не были они готовы и через год. Поэтому весь причт к ним (25 человек) проживал в Санкт-Петербурге, досаждая Святейшему Синоду просьбами то о выдаче жалования, то об увольнении от поездки в Пруссию. Певчие, прожив целый год в Санкт-Петербурге, были распущены по домам, так как был подписан Высочайший указ о вызове других певчих из Малороссии и об отправке из прямо оттуда в Пруссию. Сведений о том, были ли они отправлены, не имею.

Наконец, как было сказано выше, к середине марта иконостасы, церковная утварь, ризницы и книги были собраны в Санкт-Петербурге. Можно было перевозить всё в Пруссию. Доставкой причта и церковью в Кенигсберг занимался купец города Росток Иван Кренкин на датском корабле «Фрауона» со шкипером Томасом Бокрайном. Обошлась доставка в 350 рублей. 5 июня 1760 года губернатор Корф отрапортовал Синоду, что архимандрит Ефрем с прочими священно- и церковнослужителями, иконостасами, церковной утварью и ризницей прибыл в Кенигсберг.

Губернатор Корф сразу предложил архимандриту Ефрему на выбор шесть объектов в восточно-прусской столице. Так, предлагался Московский зал в орденском замке, Королевский дом... Можно было завершить строительство незаконченной кирхи. Из шести предложенных объектов архимандрит Ефрем выбрал так называемую Штайндаммскую кирху.

Андрей Тимофеевич Болотов в 82-м письме своих «Записок» сообщает: «Относительно до церкви скажу вам, что до того времени довольствовались мы только маленькою, полковою, поставленную в одном доме; но как Кенигсберг мы себе прочили на должайшее время и может быть на век, то во все минувшее время помышляемо было уже о том, где-б можно было нам сделать порядочную для всех россиян церковь, которая и нужна была как по множеству нашего народа, так и потому, что императрице было угодно прислать к нам туда для служения и архимандрита со свитою, певчими и со всем прибором. Сперва думали-было достраивать находившуюся на парадном месте огромную кирху, начатую давно уже строить, но строение которой за чем-то остановилось; но как оказалось, что к отделке сей потребна великая сумма, а построенные стены не слишком были прочны и надёжны, то решились наконец велеть пруссакам опростать одну из их кирок, и сию-то кирку надобно было нам тогда освятить и превратить из лютеранской в греческую...»

Штайндаммской кирхой с 1526 года пользовались лютеране-поляки. Их число в Кенигсберге ко временам Семилетней войны изрядно уменьшилось, община практически вымерла, и использование православными

Штайндаммской кирхи не вызвало никаких межконфессиональных проблем. Ну а кирхи куда более многочисленных немецких общин оставались в их распоряжении всё время пребывания русских войск в Кенигсберге. Штайндаммскую кирху предстояло перестроить. Об этом Андрей Болотов писал в том же 82 письме: «Главнейшее затруднение при сем деле было хотя то, чтоб снять с помянутого высокого шипца обыкновенного их петуха и поставить вместо того крест на оный, однако мы произвели и сие. Отысканы были люди, отважившиеся взлесть на самый верх оной башни и снять не только петуха, но и вынуть из яблока тот свёрнутый трубкой медный лист, который есть у иностранных обыкновение полагать в яблоко на каждой церкви, и на котором листе вырезавают они письмена, означающие историю той церкви, как, например, когда она? по какому случаю? кем? каким коштом? какими мастерами и при каком владетеле построена и освящена, и так далее. Мне случилось самому видеть оный вынутый старинный лист, по которому означалось, что церковь та построена была более, нежели за двести лет до того. И мы положили его опять туда, присовокупив к тому другой и новый, с вырезанными также на нем латинскими письменами, означающими помянутое превращение оной из лютеранского в греческую, с означением времени, когда, по чьему повелению и кем сие произведено. А посему и остался теперь в Кенигсберге на веки монумент, означающий, что мы, россияне, некогда им владели и что управлял им наш генерал Корф и производил сие превращение».

Итак, петух был заменён на крест. Был смонтирован иконостас, «...написанный прекрасно на камке и довольно великолепный». Были размещены прочая церковная утварь и ризница на славу, «очень богатая и великолепная», киоты, люстры с изображением орлов... Местные кенигсбергские художники Крауз и Кнопке изготовили для храма четыре алтарные иконы. В целом, ремонт и переделка интерьера храма обошлась в 6600 талеров.

И вот, 4/15 сентября 1760 года храм был освящён во имя Воскресения Христова. С этого дня начались регулярные богослужения в первом

православном храме Кенигсберга. Проживавшие в городе православные получили возможность регулярно исповедоваться и причащаться, а также приступать к иным церковным таинствам.

Помимо самого здания храма православная церковь владела в Кенигсберге ещё несколькими зданиями. Губернатор Василий Суворов в своём рапорте Синоду от 9 июня 1761 года перечислял следующие:

1. Дом в три этажа (возможно, третий этаж – это мансарда), в котором живут архимандрит, дьячок и 12 певчих, расположенный в 58 саженьях от церковной ограды. В этом доме 13 покоев, кроме кухни, чуланов и прочих служб. Во дворе дома находятся два погребца, конюшня на 12 стойл, а также сараи для колясок, сена и прочего.

2. Пасторский дом в два этажа в пяти саженьях от церковной ограды, в котором проживают священник, дьякон и два дьячка. При доме – сарай и сад.

3. «Капланский» дом в три этажа с погребом, двором и сараями. На момент написания рапорта стоял пустым.

4. Дом, в котором живёт иеромонах и в который временно поместили несколько пленных прусских кадетов.

Наличие такой недвижимости настраивало архимандрита Тихона, сменившего в 1761 году архимандрита Ефрема, на мысли огородить всё это хозяйство общей оградой. Архимандрит Тихон в своей официальной переписке уже стал называть этот комплекс зданий монастырём. Но, в связи с прекращением боевых действий между Россией и Пруссией и возвращением завоёванных земель Прусской короне до создания монастыря дело тогда не дошло.

Богослужение при освящении храма вызвало большое любопытство местного немецкого населения. Русские чиновники и офицеры, бывшие в те годы в Кенигсберге, неизменно отмечают присутствие большого числа местных жителей-протестантов на православных богослужениях. Андрей Болотов так писал об этом: «И как в сей церкви и служение производилось всегда на пышной ноге, с прекрасными певчими, и как архимандритом, так и бывшими с ним, иеромонахами сказываны были всегда разумные проповеди,

то все сие тамошним жителям так полюбилось, что не было ни одной почти обедни, в которую не приходило бы по несколько человек из тамошних зрителей для смотрения».

Ещё более немцев сбегались смотреть на крестный ход от Воскресенского храма к берегу Преголи, великое освящение воды и купание в Иордане, которые проводились на праздник Богоявления по распоряжению очередного российского губернатора Пруссии Василия Суворова (отца знаменитого полководца).

Православная Церковь не вела целенаправленной миссионерской работы среди жителей Кенигсберга, но в донесении Синоду от 13 мая 1761 года архимандрит Тихон сообщал о желании многих местных жителей перейти в Православную веру. Местные женщины, желая выйти замуж за русских солдат, просили венчать их. До того времени Синод не сделал никакого распоряжения на сей счёт. На свой страх и риск архимандрит Тихон окрестил одного прусского еврея двадцати лет по имени Абрам Ароний из города «Бишев Вердер». В крещении ему было наречено имя Гавриил. Еврей, видимо, был не простой, так как восприемниками его стали сам губернатор Василий Иванович Суворов и кенигсбергский «плац-маэор» Петр Шилников. Восприемницами стали Анна и Мария Васильевны Суворовы, дочери губернатора. За это крещение без разрешения на то Синода архимандрит Тихон опасался гнева и просил прощения. Синодальным определением от 1 июля 1761 года было разрешено «...крестить венчать крещеных прусских подданных в Православных храмах при соблюдении канонических правил».

В донесении от 24 марта 1762 года архимандрит Тихон прислал реестр с перечислением всех лиц, принявших Православную веру в Кенигсберге с начала 1761 года. Кроме вышеназванного Абрама Арония в этом реестре можно найти сведения про следующих лиц, присоединенных к Православной Церкви из католичества и лютеранства:

«Апреля 28 дня Прусская девка из Оберландии София Амалия Анкерин из лютерского закона, при святом миропомазании наречена Мариєю...

Маия 7 дня Польской нации города Варшавы солдатская жена вдова Катерина Антонова из католичкаго закону, во святом миропомазании наречена Мариєю...

Маия 13 дня Пруссакаго местечка Бубин купецкая дочь Анна Фридриховна из лютерсакаго закону, во святом миропомазании наречена Наталиєю...

Июня 5 дня Пруссакаго местечка Лансберг красильного мастера Петрига дочь Анна Доротея из лютерсакаго закону, при святом миропомазании наречена Евфимиею...

Июля 16 дня пруссакой нации города Дризина волной человек Станислав Душевский из лютерсакаго закону, при святом миропомазании нареченное имя ему Илия...

Сентября 24 дня Пруссакаго местечка Фишгаузена крестьянская дочь девка Катерина Бет из лютерсакаго закона, при святом миропомазании наречена Феклою...

Октября 7 дня Пруссакой дворянин Фондерлиц из католичкаго закона, при святом миропомазании наречено имя ему Ияков...

Октября... дня Пруссакая жительница девка Анна Крестина из лютерсакаго закону, при святом миропомазании наречена Елизаветою...

Ноября 13 дня Кенигсбергскаго жителя Клима дочь вдова Анна коя была за голландским шкипером из лютерсакаго закона, во святом миропомазании наречена Екатериною...

Генваря 8 дня Кенигсбергская жительница девка Анна Доротея из лютерсакаго закона, во святом крещении наречена Евфимьею...

Генваря 19 дня местечка Онебурга купецкая девка Елисавет Христопсиоровна, из лютерсакаго закона, во святом миропомазании наречена Пелагеею...»

Как видим, лютеране и католики присоединялись к православной Церкви через миропомазание. Большую часть таких присоединенных составляли женщины. Очевидно, это делалось для последующего церковного

брака с русскими военными служащими. Но встречались и принимавшие Православие мужчины, например, некий дворянин Фондерлиц.

В Воскресенском храме Кенигсберга также производилось крещение солдат русской армии магометанского вероисповедания, решивших принять христианство. Так, в мае 1761 года с именем Афанасий крестился солдат Ладожского батальона Сейбаш Касимов; 24 февраля 1762 года крестился с именем Василий солдат Казанского третьего батальона Карим Аусеримов; 14 марта был крещен с именем Алексей солдат Тобольского пехотного полка Калмент Битбав.

15 июня 1761 года был присоединен к православной Церкви с именем Иван солдат Нижегородского третьего батальон Луктоян из «лютерского закона». 5 февраля 1762 года был присоединен к православной Церкви с именем Захарий капрал Грузинского гусарского полка Азария Абрамов из «армянского закона».

Первый православный храм действовал в Кенигсберге недолго. После кончины императрицы Елисаветы Петровны военные действия между Россией и Пруссией быстро прекратились. 5 мая 1762 года был подписан мирный договор, по которому Фридриху II возвращались все земли, занятые русскими войсками. 8 июля очередным губернатором Пруссии Ф.М. Воейковым население провинции было освобождено от присяги на верность России. Начался вывод русских войск из Пруссии. Были вывезены и церкви из Кенигсберга, Мемеля и Пиллау, хотя прусское правительство пообещало было содержать эти церкви для проезжих русских купцов. Но с 1720 года русская православная церковь уже существовала совсем рядом, в Гданьске. Посчитали, что для региона этого будет вполне достаточно.

Иконостас Воскресенского храма, церковная утварь, облачения, книги и прочее были упакованы в ящики и вывезены на галиоте в Санкт-Петербург. Указом Синода синодальному архивариусу Якову Звереву от 4 октября 1762 года было определено: «...привезенные морем на галиотах сюда в Санкт-петербург из Кенигсберга, Пилавы и Мемеля бывшие там отправленные отсюда церкви с принадлежностями в ящиках за печатями выгруженные из

тех галиотов и установленные в Синодальных апартаментах распечатав, при ком надлежит и осмотра по реэстрам принять тебе архивариусу Якову Звереву все налицо в Синодальный архив и убрав в удобные покои содержать за синодальной печатью и в крепком хранении, и по приеме тех церквей по реэстрам, по коим все ль явится в наличности, или же чего не явится с показанием не явившихся вещей, подать в Синодальную кантору рапорт...»

Через месяц, 4 ноября 1762 года, последовал очередной Указ Синода синодальному архивариусу Якову Звереву аналогичного содержания о принятии «имевшихся в Кенигсберге, Пилаве и в Мемеле, объявленные здесь прибывшими архимандритом Тихоном и священнослужителями три церкви с иконостасами, с утварью и ризницею и с протчею к ним принадлежностью по описным реэстрам, осмотра, принять в синодальный архив тебе архивариусу Звереву, а особливо священнослужажия сосуды и освященныя антиминсы с прибором чрез находящегося при синодальной Харитониевской церкви священника иметь в надежном хранении, запечатав со всем тем ящички и сундуки казенною синодальною печатью в удобных к тому и безопасных полатах...» Вероятно, этот указ относится ко второй партии утвари, прибывшей в Санкт-Петербург позднее.

В архиве сохранился «реэстр устроенной в бывшей Пруссаго королевства в городе Кенигс Берге церкви и во оной церковной ризницы и утвари с подлежащим прибором, тако ж церковным книгам. А именно: Церковь во именованье Воскресения Христова. Писана на голубой камке красками с золотом. Во иконостасе иконы следующие: ...» Далее в реесте следует перечисление икон, сосудов, ризничных вещей, книг... Отмечено было особо, что книги Триодь Цветная и Минея общая были оставлены в Кенигсберге при госпитальной церкви. Отдельное описание было сделано для архимандричьей шапки, отправленной к архимандриту Ефрему. Дополнительная опись была составлена для прибывших позже вещей, включая балдахин из алтаря, аналои, шкафы и т.п.

Синодальным указом от 14 февраля 1763 года все привезенные из Пруссии церковные вещи велено было передать из Синода в

Петропавловский собор и поставить там на хранение под караулом в алтаре или в помещении библиотеки. Некоторое время иконостас и утварь кенигсбергской церкви хранились в Петропавловском соборе. В июне 1766 года архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский Гавриил (Кременецкий) обратился к императрице Екатерине Алексеевне с ходатайством о разрешении поставить в Феодоровской церкви Александро-Невского монастыря имеющийся при Святейшем Синоде кенигсбергский иконостас. По именному Ея Императорского Величества указу и по синодальному определению от 17 июня 1766 года кенигсбергский иконостас был передан в Александро-Невский монастырь.

Двухэтажная Феодоровская церковь, симметричная Благовещанской, была заложена ещё в 1745 году. В верхнюю церковь, посвященную святому благоверному князю Феодору (брату Александра Невского) и был установлен кенигсбергский иконостас. Для нижней церкви, освященной в честь святителя Иоанна Златоустого, иконостас был изготовлен новый. Иконостас Златоустовской церкви был написан в 1766 году «находящемся при Святейшем Правительствующем Синоде живописцем» Алексеем Антроповым. Для иконостаса верхней церкви Антропов написал только местный образ святого благоверного князя Феодора Новгородского. Им и был заменен в иконостасе образ Воскресения Христова. Уже в феврале 1767 года церкви были готовы к освящению, но освящены были только в 1770 году.

В течение нескольких десятилетий кенигсбергский иконостас продолжал свою службу в Феодоровской церкви Александро-Невского монастыря, но в 1840-1842 гг. двухэтажный храм подвергся переделке. Была сделана роспись стен. Иконостас нижней Златоустовской церкви был переделан, и она была заново освящена в честь святого благоверного князя Феодора Новгородского. Верхний же храм 17 сентября 1843 года был освящен во имя святителя Николая Мирликийского. Переделке подвергся и кенигсбергский иконостас. Масштабы этой переделки мне не известны. Как минимум, местный образ святого благоверного князя Феодора должен был

быть заменен на икону святителя Николая. Возможно, изменения были более кардинальные. Сейчас это установить трудно, так как в советское время Александро-Невская лавра была закрыта, а иконостас церкви святителя Николая был уничтожен. Но, по крайней мере с 1767 по 1840 гг. кенигсбергский иконостас стоял в Феодоровской (верхней) церкви, и в нём был заменен только храмовый образ. Таким образом прослеживается духовная связь между первым православным храмом Кенигсберга и Александро-Невской лаврой.

После ухода русских из Кенигсберга Штайндаммская кирха вернулась к лютеранам и благополучно просуществовала до Великой Отечественной войны. В войну кирха была сильно разрушена, а в 50-е годы окончательно разобрана. Фундамент кирхи ныне скрыт асфальтом. По месту, где она стояла, в 50-е годы был проложен Ленинский проспект. Андрей Болотов когда-то написал: «...остался теперь в Кенигсберге на веки монумент, означающий, что мы, россияне, некогда им владели и что управлял им наш генерал Корф и производил сие превращение». Увы, ничто теперь не напоминает о том, что 260 лет назад был освящен в Кенигсберге первый русский православный храм. Нет ни часовни, ни памятника, ни мемориальной доски, посвященной этому событию. Поэтому юбилейная дата не вспоминается никем.